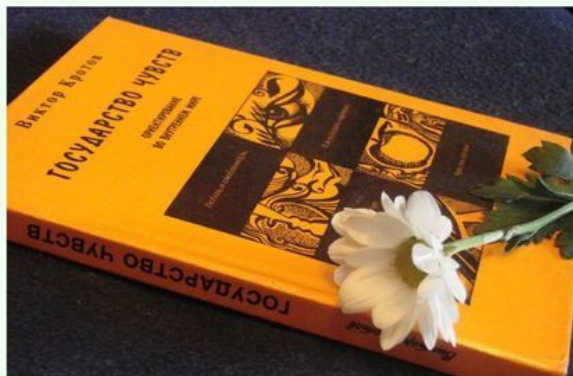

Виктор Кротов

Государство чувств

Ориентирование во внутреннем мире

Виктор Кротов
Государство чувств.
Ориентирование во
внутреннем мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994322

ISBN 9785448334115

Аннотация

В книге предложен особый подход, позволяющий ориентироваться внутри самого себя, представлена картина внутреннего мира человека как «государство чувств». Дополнительные разделы книги посвящены чувству любви, а также чувству веры (религиозному ориентированию). Приложение «Когда трудно» показывает пути выхода из душевного кризиса. Книга адресована всем, кого интересуют философские и психологические проблемы развития личности.

Содержание

От автора	5
Часть первая. Путешествие внутрь	8
Для чего нужна философия	8
Как мы ориентируемся в жизни	10
Человек среди учений	12
Философия для себя	14
Внутреннее ориентирование	16
Разум	18
Государство чувств	20
Подсознание и сверхсознание	24
Память, воображение, воля	26
Индивидуальность и личность	28
Часть вторая. О государстве чувств	30
Мозаика	30
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Государство чувств Ориентирование во внутреннем мире

Виктор Кротов

*Моим сыновьям –
Александру и Антону —
с надеждой на понимание*

© Виктор Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3411-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Бывает, что равнодушный к тебе собеседник пожмёт плечами и обронит: «Это твои проблемы». Обидно сталкиваться с равнодушием, но вдруг и в самом деле соображаешь, что твои проблемы – прежде всего твои. В том смысле, что все они берут начало в твоём внутреннем мире.

Пытаясь ограничиться *внешним* решением проблем, мы нередко лишь усугубляем их или маскируем – до поры до времени, когда декорации рушатся и проблемы дают о себе знать с новой силой.

Эта книга – для тех, кто понимает, что невозможно надёжно решать свои проблемы, не научившись ориентироваться в собственной душе. Или хотя бы догадывается об этом.

Книга построена так, что сначала можно ограничиться только первой частью или первой и второй, а когда будет возможность и желание – взяться за чтение следующих, более объёмных частей. Но если книга попала к вам в трудную минуту вашей жизни – обязательно загляните в приложение. Оно не зависит от порядка чтения. Может быть, вы найдёте в нём поддержку.

Но вернёмся к основным частям книги.

В первой части речь пойдёт о том, чем полезна обычному человеку философия и почему он не может позволить себе

махнуть на неё рукой: пусть, мол, этим занимаются учёные. Здесь же вкратце говорится об основных явлениях, с которыми мы встречаемся, проявляя внимание к внутреннему миру.

Вторая часть – это мозаика размышлений, в которую входят и мысли разных разных философов. Она позволит нам освоиться среди внутренних реальностей, увидеть их взаимосвязь, ощутить возможности своего взаимодействия с ними. Здесь читатель познакомится с основным образом книги: государством чувств.

Каждая из глав третьей части посвящена одному из основных человеческих чувств, чтобы хотя бы кратко дать самый общий портрет каждого из них и показать возможные линии их взаимодействия.

Четвёртая часть посвящена чувству любви. То, что о нём говорилось в третьей части (в общей портретной галерее чувств), здесь углублено и расширено. Во-первых, это помогает гораздо внимательнее присмотреться к одному из важнейших наших чувств. Во-вторых, позволяет увидеть, что портреты чувств, представленные до этого, – всего лишь наброски, контуры, которые можно всё глубже и глубже осмысливать, и ни одно из таких осмыслений нельзя считать исчерпывающим.

В пятой части мы возвращаемся ещё к одному центральному чувству человека – чувству – веры. Особое внимание здесь уделено тому, как взаимосвязаны внутреннее ориентирование и внешнее, какие тупики нас подстерегают и какие вершины нас ждут.

Наконец, приложение – это своего рода маленькая «скорая помощь» для того, кому необходимо прежде всего выбраться из душевного кризиса, а потом уже заниматься обстоятельным чтением.

Таковы были намерения автора. Насколько успешно они осуществились, какие сложности возникли при чтении книги и какие существенные для вас вопросы оказались здесь обойдёнными, можно написать по адресу: krotovv@gmail.com. Буду очень рад общению с вами.

Виктор Кротов

Часть первая. Путешествие внутрь

Введение в практическую философию

Для чего нужна философия

Замечательная вещь – путешествия.

Можно путешествовать пешком или с помощью самого разнообразного транспорта. Можно путешествовать налегке или с запасами всего необходимого. Можно путешествовать, преодолевая большие расстояния или оставаясь на месте и уходя с головой в любимое занятие.

Но одна вещь необходима для любого путешествия. Это – *способность ориентироваться*. Без неё путешествие превращается в блуждание наугад.

Одно большое путешествие совершает каждый человек – путешествие, которое называется жизнью. И наша способность ориентироваться во многом определяет содержание и качество нашей жизни.

Можно сказать, что ориентирование является наиболее значительной потребностью любого живого существа после простейших физиологических инстинктов.

Что касается человека, для него особенную роль приоб-

ретаает ориентирование в главных проблемах жизни. Ведь от этого зависит, как он будет ориентироваться во всём остальном.

Так и в обычном путешествии: нужен прежде всего крупный ориентир, задающий основное направление, а тогда уже можно выбирать путь, по которому пойдёшь в нужную сторону.

Ориентирование в главных проблемах нашего главного путешествия – жизни – и составляет задачу философии.

Ориентирование в главном – это и есть философия.

В задачу философии входит и само выделение главных для человека проблем, и изучение наших средств ориентирования, и разработка способов ориентирования, подходящих для разных людей.

Как мы ориентируемся в жизни

Многие внутренние средства ориентирования даны человеку от природы, как и любому другому существу. Другие присущи ему именно как человеку, но тоже являются врождёнными свойствами. А многие навыки человек приобретает по ходу своей жизни.

С момента появления человека на свет он окружён теми, кто помогает ему ориентироваться. Мы даже не всегда замечаем это в полной мере.

Нас ориентируют наши родные и близкие, наши друзья и знакомые. Нас ориентируют учителя, политики, артисты, писатели и даже случайные прохожие. Нас ориентируют книги, газеты, радио и телевидение, кино, песни и многое-многое другое.

Некоторые готовы полностью взять нашу ориентацию на себя. Иногда они достигают в этом паталогических успехов – и тогда мы говорим о зомбировании человека.

Правда, для нас важны не столько намерения окружающих сориентировать нас, сколько наш собственный выбор. От кого мы примем помощь в этом деле? С чьим мнением будем считаться, чьё влияние примем близко к сердцу? Кого будем считать своими *ориентаторами*, чей опыт, чьё мировосприятие будем использовать в своей жизни?

Перед каждым, кто приходит в жизнь, стоит проблема

определения своего собственного жизненного пути. И для того, чтобы найти его, нужны и собственные усилия, и сторонняя помощь.

Человек среди учений

За тысячелетия истории человечества накоплен большой опыт жизненного ориентирования. Наиболее удачные находки такого рода постепенно сложились в те или иные философские и религиозные учения. Каждое из них представляет по сути определённую систему внутреннего и внешнего ориентирования.

Знакомство с наиболее признанными учениями повышает эффективность выбора пути для конкретного человека, расширяет пространство этого выбора. Знание учений важно не для накопления эрудиции. Оно помогает человеку быть более свободным.

С учениями мы знакомимся по-разному. Иногда в этом помогают книги, иногда люди, иногда события нашей собственной судьбы.

Каждое упрочившееся в человечестве учение обычно претендует на то, что оно является самой верной системой ориентирования или, по крайней мере, одной из самых верных. Это нормально для учения: иначе зачем бы оно было нужно? Но человеку не просто найти среди великого множества «самых верных» учений (во многом противоречащих друг другу) то, что нужно именно ему.

Всякое учение когда-то начиналось с *личности*, с её собственных достижений в жизненном ориентировании. И вся-

кое учение имеет практическую ценность постольку, поскольку служит личности, поскольку оно полезно отдельно-му человеку для определения верного направления своих внутренних сил.

Философия для себя

Самым главным философом для каждого человека является он сам. Даже если он следует какому-то учению, он сам выбирает его и по-своему использует в собственной жизни. Поэтому каждому приходится быть философом – вопрос лишь в том, хорошим он будет для себя философом или плохим.

Проблема, с которой имеет дело каждый человек, начинающий самостоятельную жизнь, состоит в том, что «старшие» (как поколение или как общество) преимущественно стремятся сориентировать его по-своему, а не научить ориентироваться самому. И навыки самостоятельного ориентирования необходимы в первую очередь для того, чтобы выпутаться из тех нитей, с помощью которых манипулируют толпой, населением, обывателем.

Всякое учение требует примерки на себя. Всё, что получаешь от него и хочешь использовать в своей жизни, нужно ещё освоить и усвоить. Это непростая работа. Тем более, что зачастую мы берём что-то от одного учения, а что-то от другого.

К тем, кто за вас знает, как вам надо жить, лучше относиться настороженно. Подлинная философия должна прежде всего учить нас самостоятельному ориентированию, умению правильно разгадать собственную неповторимую

судьбу.

Философское учение может позволить себе быть теоретическим, умозрительным. Но наша личная философия – это философия практическая, ведь именно она, сознаём мы это или нет, определяет наши поступки.

Внутреннее ориентирование

Внешнее ориентирование человека зависит от того, как он ориентируется в своём внутреннем мире. Поэтому первая задача практической философии – это именно *внутреннее ориентирование*.

Основные реальности внутреннего мира – это ощущения, эмоции и чувства.

Ощущения – это элементы, составляющие поток информации, воспринимаемый человеческим сознанием. Это информация «на входе», которую мы воспринимаем и в дальнейшем стараемся «обработать», то есть осознать с помощью разума или различных внутренних чувств.

Эмоции – это переживания, которые можно считать информацией «на выходе». Это реакция наших чувств на важные для них ощущения.

Чувства – это как бы некие существа, населяющие наш внутренний мир. Они могут возникать, развиваться, видоизменяться и угасать. Для каждого чувства существует некий круг ощущений, на которые оно реагирует, которыми оно, так сказать, питается. Для каждого чувства существует и свой круг эмоций, которые оно способно породить.

Осознать происходящее в сознании, связать его в единую картину позволяет нам *разум*.

Разум

Разум – это наша основная способность к видению происходящего снаружи и внутри. В этом смысле выражение «свет разума» представляет собой очень точную метафору: разум – это то, благодаря чему мы можем осмотреться в себе и по-настоящему присмотреться к тому, что вне нас.

Ещё точнее (хотя и парадоксальнее) назвать разум *зрячим светом*. Это как бы одновременно – и свет, и способность видеть.

Разум позволяет нам наблюдать и постигать всё, с чем имеет дело наше сознание. Без него мы могли бы только переживать свои внутренние события, но не осмысливать их. Мы жили бы на ощупь. В этом отличие разума от всех наших ощущений, от эмоций и чувств.

Особенно важно отметить различие между разумом и чувством логики, о котором пойдёт речь ниже. Различие между внутренним зрением, позволяющим нам видеть смысл и взаимосвязь явлений, – и чувством согласованности, непротиворечивости, последовательности умозаключений.

Конечно, логику непривычно называть чувством, но, надо сказать, это *более логично*. Слишком существенно различие между разумом и логикой, и мы не можем позволить себе смешивать эти понятия.

Разум – это способность к живой, озаряющей человека мысли. К мысли словесной или бессловесной, образной или рациональной, ясной или загадочной.

Постараемся отличать голос разума и от голосов других чувств. Это не так легко, когда какое-то из наших чувств заполняет сознание. Но различие существует. Чувство может не обращать внимания на голос разума. Дело разума – обратить внимание на любое развивающееся в душе чувство и принять в нём участие.

Государство чувств

Чувства человека взаимодействуют друг с другом. Они могут поддерживать друг друга, могут конфликтовать и даже враждовать. Можно сказать, что наш внутренний мир представляет собой *государство чувств*. Организация этого государства зависит и от того, какие чувства его составляют, и от их взаимоотношений.

Иногда одно-единственное чувство подчиняет себе все остальные. В этом случае мы можем говорить о деспотическом государстве чувств. Иногда власть делят два-три сильных чувства, оттеснив все остальные и установив олигархическое правление. Иногда устройство этого государства более демократично, и каждое чувство может отстаивать свои интересы.

Попробуем присмотреться к основным разновидностям чувств, населяющих наш внутренний мир. Такая классификация неминуемо будет очень условной. Она годится только как канва для понимания собственного внутреннего мира. Главное – увидеть, какие реальные чувства живут в нашей собственной душе, каковы их отношения друг с другом и как можно улучшить своё государство чувств.

Чувство родства. Наше отношение к родным и родственникам. Это целая группа чувств, целое их семейство, по-сво-

ему воспроизводящее внутри внешние родственные отношения. Чувство родства – одно из самых ранних человеческих чувств и вместе с тем одно из самых устойчивых, сопровождающих человека до конца жизни.

Чувство дружбы. Таких чувств тоже обычно несколько, и они могут быть очень разными: от лёгкой приятельской симпатии до глубокой дружеской любви. Чувство дружбы играет особую роль в нашем жизненном ориентировании, увлекая нас туда, куда бы мы сами, может быть, и не отправились.

Чувство долга. В молодости оно может отсутствовать или быть слабым. Тогда легче увидеть его в действии, глядя на близких нам людей старшего возраста. Чувство долга складывается как раз в результате нашего жизненного ориентирования, а затем уже само направляет нас по жизни.

Чувство прекрасного (эстетическое чувство). Оно знакомо каждому, хотя людей, у которых оно играет заметную роль в государстве чувств, к сожалению, не так уж много. Ему, как правило, нужна внутренняя и внешняя поддержка, особые возможности для развития.

Этическое чувство. Это житейски не очень удобное чувство, и многие люди недальновидно пренебрегают им. Одна-

ко именно оно необходимо в первую очередь для гармоничного развития государства чувств. Подавление этого чувства ведёт к внутренним катастрофам.

Чувство логики. Его часто называют рассудком, умом, даже разумом. Тем не менее, это такое же чувство, как и остальные. Оно оценивает суждения, аргументы и ситуации с точки зрения их согласованности, последовательности, непротиворечивости. Есть у него и свои эмоции, связанные с оценкой этих ощущений.

Социальное чувство. К этой категории могут относиться разные по содержанию чувства, связанные с нашей принадлежностью к той или другой общности людей (к нации, государству, человечеству) или просто с нашим отношением к другим людям, к толпе или к обществу.

Чувство любви. Имеется в виду любовь мужчины к женщине или женщины к мужчине. Это чувство иногда захватывает власть над сознанием, хотя редко удерживает её надолго. Но в любом случае оно играет существенную роль в государстве чувств.

Чувство веры (религиозное чувство). Это отношение к Высшему, как бы его ни понимать, и к его проявлениям в нашей жизни. Если чувство веры набирает силу, оно может

существенным образом определять нашу жизненную ориентацию. И может стать полновластным правителем государства чувств.

Чувство призвания. Это важнейшее чувство, определяющее восприятие человеком своей судьбы, и если оно по-настоящему сформировалось, то может наилучшим образом руководить государством чувств. Впрочем, и ему могут быть свойственны деспотические черты, если остальные чувства развиты слабо.

Подробнее об этих главных человеческих чувствах говорится во второй части книги. Размышлениям о чувстве любви посвящена третья часть, о чувстве веры – четвёртая.

Подсознание и сверхсознание

Среди прочих ощущений мы имеем дело с некоторыми особыми ощущениями, которые возникают почти незаметно, исподволь. Иногда и сами они почти незаметны, и нам нужен немалый труд, чтобы установить по косвенным признакам их присутствие. Мы обозначаем эти ощущения как приходящие из *подсознания*, из слабо освещаемой мыслью области нашего внутреннего мира.

Заглянуть в подсознание трудно. Правда, обычно человек и не нуждается в этом, как не нуждается без особых причин в осмотре желудка или лёгких. Но знать о существовании этой теневой части души необходимо. Знать, что некоторые наши внутренние сложности могут быть связаны именно с ней. Знать, что нередко наши чувства подпитываются именно оттуда.

И ещё одну область нашего сознания мы можем лишь обозначить, не претендуя на понимание её устройства, – то, что иногда называют *сверхсознанием*. Если подсознание затемнено от нашего внутреннего внимания, то всматриваться в сверхсознание – всё равно что впрямую разглядывать, что там на солнце или внутри яркой лампы. Сам наш разум правильнее всего тоже отнести к этой области.

Сверхсознание – это источник ощущений, свидетельствующих о существовании более высоких и сложных уровней

существования, чем наш внутренний мир. Человек может быть расположен к восприятию таких ощущений в большей или в меньшей мере. Но заслоняться от них специально означало бы самому затемнять свое сознание.

Другое дело – защита от иллюзий. Мнимые «высшие переживания» имеют свою специфическую природу. Это тёмное и смутное, притворяющееся светлым. Поэтому проблема отношения к Высшему становится одной из важнейших проблем самосознания. Об этом пойдёт речь в третьей части книги.

Память, воображение, воля

Можно сколько угодно изучать нашу внутреннюю страну – те просторы и таинственные уголки, где раскинулось государство чувств. Но не будем забывать о том, что некоторые привычные нам явления – это скорее свойства этой страны, а не её отдельные области.

Такова, например, человеческая *память*. Соблазнительно представить её в виде огромного хранилища прошлых ощущений. Но если пытаться отделить прошлые ощущения от сиюминутных, окажется, что и настоящее наше соткано из только что прошедших ощущений. Окажется, что само представление о времени неотделимо от памяти. И память – скорее способность сознания к восприятию времени и нашего движения в нём, чем залежи впечатлений от жизни.

То же можно сказать о такой способности сознания, как *воображение*. Это способность к порождению образов, к облечению в образы переживаний и ощущений. Способность, проявляющаяся в самых разных формах. Она может облегчать работу сверхсознания, а может наполняться смутной энергией подсознания. Может порождать озарения или фантомы. И каждое чувство может опираться на эту способность или страдать от неё.

Волей мы можем назвать нашу внутреннюю устремлённость, результирующую силу всех наших чувств. Это та-

кое же следствие нашего душевного устройства и соотношения сил в государстве чувств, как течение реки – следствие рельефа местности. Течение воли может быть единым и напористым, тогда человека называют волевым. Поток может закрутиться водоворотом, может расщепиться на тонкие ручейки многочисленных желаний – и если мы захотим «собрать свою волю воедино», нам необходимо будет сосредоточиться на том, каково положение дел в нашем государстве чувств.

Об этих и многих других явлениях нашего внутреннего мира мы можем говорить, вводя всевозможные термины, так или иначе описывающие эти явления. Но главным инструментом нашего практического внутреннего ориентирования останется представление о главных человеческих чувствах, об особенностях каждого из них и об их взаимодействии друг с другом.

Индивидуальность и личность

Знакомясь с различными учениями, можно увидеть, какие чувства они выдвигают в качестве главных средств ориентации. И даже если для нас самих на сегодняшний день это не самые главные чувства, полезно помнить, что наш внутренний мир изменяется и многое может пригодиться в будущем. Почти у каждого учения можно взять что-то важное, если перевести его на свой внутренний язык.

Каждый из нас представляет собой неповторимую индивидуальность. Разнообразие чувств, эмоций и прочих душевных особенностей делает нашу душу заведомо уникальной. Конечно, бывают индивидуальности яркие или неприметные, пёстрые или серые. Но подлинное развитие человека состоит не в расцветивании своей индивидуальности, а в чём-то другом.

Мы развиваемся в той степени, в которой переходим от индивидуальности, от внутренней раздробленности – к личности, к внутренней цельности, к соединению фрагментов нашей душевной реальности воедино. И образ государства чувств здесь как нельзя более полезен.

Мудрость человека проявляется прежде всего в том, насколько он избавился от внутренних раздоров, от конфликтов своих чувств друг с другом. Насколько он сумел дать свободу развития своим главным чувствам, не ослабляя, а упро-

чивая их согласие друг с другом.

Наша личность – это и есть наше государство чувств, достигшее достаточно гармоничного состояния. И развитие личности основано на искусстве ориентироваться в собственных чувствах, на умении соединить их интересы в общую картину и на стремлении сделать эту картину тем шедевром, которым она и должна стать.

Часть вторая. О государстве чувств

Мозаика

*

Чувства представляются мне как бы живыми существами, населяющими сознание. Каждое из них обладает собственной линией развития, каждое каким-то образом взаимодействует с остальными. Именно *чувства* – невидимые организмы восприятия и переживания ощущений – образуют индивидуальную структуру сознания из великого множества внешних и внутренних впечатлений.

Переход от ощущений к чувству, да и сами ощущения, воздействующие на то или иное чувство, совсем не всегда и совсем не полностью поддаются сознательной фиксации и осмыслению. Чувство соединяет их вместе по-своему, органически.

*

«Хотя наши чувства находятся в отношении

со всем, но душа наша не может обращать внимание на каждую частность всего: поэтому-то наши смутные чувствования суть результат разнообразия восприятий, поистине бесконечного. Это почти так же, как от массы отголосков бесчисленных волн происходит смутный гул, который слышат те, кто подходит к морскому берегу».

Лейбниц

*

«Подобно лучу света, который состоит из целого пучка лучей, всякое чувство состоит из множества отдельных чувств, которые способствуют сообща созданию определённого желания в нашей душе и определённого действия в нашем теле. Немногие люди обладают призмой, способной разложить этот пучок чувств; поэтому часто человек считает себя одушевлённым или одним исключительным чувством или же не теми чувствами, которые в действительности его одушевляют. Вот причина стольких ошибок чувства и вот почему мы почти никогда не знаем истинных мотивов наших действий».

Гельвеций

*

«Конечно, конкретно различные стороны духовной жизни не существуют обособленно; живую душу нельзя

разлагать на отдельные части и складывать из них, подобно механизму – мы можем лишь мысленно выделять эти части искусственно изолирующим процессом абстракции».

Семен Франк

*

Наши представления о своих и вообще о человеческих чувствах могут быть достаточно произвольны – во всяком случае настолько, чтобы позволять воображению играть с образами чувств, собирая из одних и тех же переживаний самые разные понятия (впрочем, не по-игрушечному полезные). Тем не менее и в обыденном, и в научном, и в художественном мышлении существуют излюбленные образования, которые мы стараемся узнавать и называть одинаково – во имя межчеловеческой общности. Так возникают имена чувств: *дружба, любовь, вера...*

В принципе, нет ничего порочного в том, чтобы свободно обращаться даже с обладающими реальной цельностью явлениями душевной жизни, измельчая их, укрупняя или по-новому сочетая друг с другом. Ведь, скажем, наше представление о какой-нибудь стране только расширится, если мы приглядимся к входящим в неё областям или, наоборот, к международным союзам, членом которых она является. А понятие о человеке лишь углубляется, если изучать строение че-

«Едина или множественна моя личность в данный момент? Если я назову её единой, поднимутся и запротестуют внутренние голоса ощущений, чувств, представлений, между которыми делится моя индивидуальность. Но если я делаю из неё ясную множественность, против этого, и с такою же силою, возмущается моё сознание; оно утверждает, что мои ощущения, мои чувства, мои мысли только абстракции, совершаемые мною над самим собой, и что каждое из моих состояний включает и все другие. Таким образом, я являюсь и множественным единством и единою множественностью, выражаясь языком интеллекта – что и необходимо, ибо только интеллект имеет язык, – но единство и множественность – это только снимки, полученные с моей личности разумом, направляющим на меня свои категории: я не вхожу ни в ту, ни в другую, ни в обе вместе, хотя обе, соединившись, могут дать приблизительное подражание той взаимной проникновенности и той непрерывности, которую я нахожу в глубине себя самого».

Бергсон

*

«Мы не можем сказать: моя душевная жизнь характеризуется в настоящий момент *такими-то* переживаниями, а не иными, в том смысле, что их в ней уже нет. Всякая характеристика есть здесь, напротив, лишь характеристика преобладающего, выступающего на первый план, более заметного. Всякий психологический анализ имеет здесь смысл разве что как анализ преобладающих сторон, и притом в смысле разложения не на части, а на *измерения* или направления, каждое из которых в свою очередь включает в себе бесконечность».

Семён Франк

*

Каждое чувство неповторимо, каждое свойственно только определённому человеку в определённый период жизни. «Общие» чувства – не что иное, как более или менее похожие друг на друга индивидуальные.

*

Выделение различных чувств, изучение их индивидуаль-

ного характера и развития, их взаимодействия – всё это в итоге направлено на постижение результатов такого взаимодействия. То есть – на выявление закономерностей и особенностей деятельности всего сознания.

Таким образом, если политическое государство изучается, вообще говоря, снизу, с точки зрения интересов человека, индивида, то отдельные чувства, напротив, должны изучаться сверху, с точки зрения *государства чувств* – но значит опять-таки с точки зрения интересов человека.

*

Для того чтобы пояснить собеседнику основные принципы государственного устройства (а это было тогда вопросом сравнительно новым и сложным), Сократ уподоблял государство душевному складу человека. С тех пор наши представления о государстве подверглись весьма интенсивному развитию, а вот представления о душе – гораздо меньшему. Так что сейчас естественнее прибегнуть к обратному сопоставлению.

*

«В то время как мы думаем, что „мы“ жалуемся на одну страсть, это, в сущности, жалуется *одна* страсть

на другую».

Нищие

Вместе с тем в сознании могут происходить не только столкновения отдельных чувств, но и конфликт того или иного чувства с некоторым волевым усилием, с объединённым побуждением нескольких главных чувств. Тогда можно действительно сказать, что «мы» противостояим или уступаем своей страсти. Этот конфликт «чувство – душа» во многом подобен конфликту «личность – государство». Разница лишь в том, что государство чувств обладает подлинной самоценностью, а государство граждан – весьма условной.

*

Вопрос государственного устройства души – это в первую очередь вопрос преобладания одних чувств над другими.

«Господствующая страсть – это судья, наделённый властью совершать правосудие. Она уверенно проникает в ум, располагает в нём свои предрассудки и хочет, чтобы её считали единственной собственницей этого места».

Гельвеций

Кроме деспотии, главенства одного чувства над другими, существуют также и олигархические, и демократические, и анархические структуры сознания. Разнообразие душевных складов не только не уступает разнообразию всех суще-

ствующим и существовавшим форм государственного управления, но и намного превосходит его по вариациям и оттенкам – настолько же, насколько число людей превосходит число государств.

*

Одним из наиболее общих, наиболее специфических чувств – но всего лишь одним из чувств! – является *логика*: чувство правильности, последовательности, связности мыслей, суждений или действий.

Мыслить логически, с точки зрения конкретного человека, – значит высказывать суждения таким образом, чтобы их содержание и взаимосоответствие удовлетворяли логическому чувству этого человека. Только относительная межчеловеческая общность этого чувства, оценивающего непротиворечивость идей и закономерность явлений, привела к выделению логики из прочих чувств, к присвоению ей пышных титулов «разума», «рассудка», «ума» и так далее.

*

Порывшись в словарях, находишь весьма однородные определения логики: «наука здравомыслия, наука правильно рассуждать», «правила, которым должно следовать мыш-

ление для достижения истины», «разумность, правильность умозаключений», «наука о приемлемых способах рассуждения»... Всё это довольно точно отражает принятое словоупотребление. Наверно поэтому нигде не оговаривается, с чьей же точки зрения «правильно», «истинно», «разумно», «приемлемо».

Людей до сих пор слишком опьяняет *сходство* между ними в чувстве логики – сходство, действительно, особенное по сравнению с гораздо более эпизодической и условной похожестью других чувств. Благодаря этому сходству возникла наука вообще и наука логики в частности. Но именно при углублении в науку логики всё явственнее проступают *различия* в логике между людьми, всё определённое становится индивидуально-чувственная подоплёка человеческой логики.

*

Чувство логики похоже на любое другое чувство – скажем, на чувство прекрасного. Мы чувствуем, что это логично или красиво, – а почему? Потому что чувствуем.

Если чувство прекрасного ещё можно попытаться объяснить логически (связь пропорций с физиологией организма и другие предположительные изыскания), то чувство логичности бессмысленно подвергать логической интерпретации. В лучшем случае объяснение будет сочтено логичным – а по-

чему?..

*

Понятие «разум» часто оказывается как бы слепленным из двух представлений – из представления о чувстве логики и представления о сущности человеческого сознания, то есть об итоговой на данный момент мысли, объединяющей голоса всех чувств в соответствии с силой каждого из них. Но всё-таки разум – это нечто совсем другое.

*

То, что чувство логики – лишь одно из чувств, относящихся к определённого рода ощущениям, что оно не является неким объемлющим все ощущения «умом», особенно видно в тех ситуациях, когда между людьми устанавливается общность на основе какого-нибудь другого чувства.

«Ведь если люди станут безумствовать по одному образцу и форме, они достаточно хорошо могут придти к согласию между собой».

Френсис Бэкон

Люди, которых роднит щегольство, сочтут по-своему «логичным», что платье надо перешить, потому что его фасон исчез из модных журналов. У филателистов существует

сложная «логика» обмена марками, которую трудно понять непосвящённому. Есть своя «логика» у патриотов, у влюблённых, у верующих.

Кавычки над словом «логика» – не ирония, а лишь знак применения не совсем подходящего к случаю слова. Можно сказать «язык» (хотя и здесь будет своя неточность). Как чувство логики обладает своим собственным языком, так имеют свои языки и другие чувства – от любви к нарядам до религиозной веры. И далеко не всегда язык логики способен возобладать над прочими языками.

*

«Неужели вы считаете, что то, из-за чего люди способны сходить с ума, менее реально или менее истинно, чем всё то, к чему они подходят в полном разуме?»

Шоу

*

Можно попробовать не выделять единую Логику (напишем её здесь с большой буквы) как самостоятельное чувство, можно раздробить её на кусочки и полагать, что «каждое чувство повинуется своей собственной логике и делает вы-

воды, на которые способна только его логика» (Джеймс). Это совсем неплохо, если мы можем проследить за такими логическими элементами в каждом отдельном чувстве, если мы можем основательно поразмыслить о «логике любви», «логике веры», «логике долга» и пр.

Однако, во-первых, подобные локальные логики окажутся слишком индивидуальны – основное свойство Логики, общность, будет подвергнуто разрушению. Во-вторых, проникнуть в глубину достаточно цельного чувства не так легко. Любую свою частицу оно окрашивает присущим ему особым цветом, в котором теряются иные оттенки. В-третьих, при разделе неминуемо остаётся некая «логика логики», не относимая ни к какому иному чувству, – и вся затея оказывается тщетной.

*

Попытки преодолеть тот или иной устоявшийся подход к душевному устройству человека редко приводят к решительному пересмотру общепринятых понятий. Зато почти всегда такие попытки содействуют объёмности представлений с объективной точки зрения и могут привести кого-то к удачным субъективным находкам.

*

Если не замыкаться на аналогии с государством, можно изобразить сознание и как своего рода зверинец или (для большей пространственной сосредоточенности) аквариум. Там плавают рыбки-чувства, и для них откуда-то сыплется ежедневный (и еженощный) корм: события, сведения, впечатления.

С одной стороны, человек является, так сказать, носителем этого аквариума (если иметь в виду совокупность чувств), с другой – его зрителем (в смысле побуждений, обобщающих деятельность всего сознания). Философия и психология изучают общие и исключительные повадки чувств. Искусство – фабрика-кухня по производству для них калорийного корма.

*

В качестве примера сугубо рациональной интерпретации сознания пусть выступит бездушное, но логически точное представление о деятельности сознания как об *игре с информацией*. Игре, следующей определённым (хотя и не всегда известным) правилам.

Часть имеющейся в сознании информации мы ощущаем

подвластной себе, зависящей от нашей способности к мышлению и к действию (назовём её «подчинённой информацией»), остальную – не подвластной. Другое разделение можно произвести, выделив информацию, доставляющую нам положительные или отрицательные переживания. При этом, разумеется, остаётся и информация, о подчинённости которой нам ничего точно не известно, и информация, воспринимаемая нейтрально.

Суть игры состоит в изменении подчинённой информации таким образом, чтобы как можно большая часть всей информации приобрела положительную окраску.

Но подобная модель (а их бывает множество) стоит немногого. Это всего лишь кибернетическая усмешка над истинными человеческими проблемами.

*

Некоторый парадокс заключается в том, чтобы описывать структуру сознания и роль логики в нём именно логически. Когда в сознании преобладает иное чувство, чем чувство логики, то и пути постижения могут оказаться настолько своеобразными, что рассуждения утрачивают всякую ценность. Но дело не только в том, рассматривать ли человеческую жизнь логическим взглядом. Намного важнее – куда устремлять какой бы то ни было взгляд.

*

«Что наши страсти и влечения, симпатии и антипатии „ослепляют“ нас, ограничивают наше знание, делают нас пристрастными – это, конечно, верно, но это есть только половина истины, которую принимает за полную истину лишь филистерская ограниченность „трезвого рассудка“; то, что есть живого в человеке, знает, что страсть, порывы, любовь не только ослепляют, но и *озаряют* нас».

Семён Франк

*

«Для разных направлений сознания существуют разные действительности. В организации сознания всегда происходит процесс отбора. Организация сознания определяется той действительностью, на которую сознание направлено, оно получает то, чего хочет, оно слепо и глухо к тому, от чего отвращено. Организация нашего сознания не только открывается целым миром, вырабатывая соответствующий орган восприимчивости, но и закрывается от целых миров, вырабатывая заслоны от них».

Бердяев

*

Все способы осознания мира и «осознания сознания» призваны служить тому, чтобы улучшать работу сознания, чтобы точнее и быстрее достигать желаемого, чтобы устанавливать взаимопонимание между различными чувствами, — то есть служить *самоорганизации*.

*

Представление о том, будто можно, как домовитая хозяйка, перебрать все возможные в человеке чувства, выбрать наилучшие из них и развивать, приглушая по мере сил остальные, — прелестная иллюзия. Чувства поддерживаются и уничтожаются не изолированным Я, а всегда — чувствами же, хотя и слитыми в единстве сегодняшней индивидуальности (точнее, развивающейся от вчерашнего дня к завтрашнему).

Абстрактное, оторванное от конкретной индивидуальности обсуждение достоинств и опасностей того или иного чувства тоже может оказаться полезным. Но после этого встаёт задача усвоения, применения понятого к конкретной индивидуальности.

*

Иногда кажется, что человеку для самоорганизации только и нужно – отыскать конкретные приёмы обращения со своими индивидуальными чувствами. Кажется, что для этого ни к чему общие рассуждения, универсальная наука. Зачем знать, какими *могут* быть чувства, как они *могут* взаимодействовать, если важно лишь то, какие чувства у тебя действительно существуют, как они на самом деле взаимодействуют?..

Но наш внутренний мир изменяется! Изменения происходят непрерывно, и случается, что судить о прошлом и настоящем состояниях сознания человека – всё равно что судить о двух разных людях. Вот почему внимание даже к своим собственным чувствам требует обобщений, ориентации на разнородный чужой опыт.

Общее изучение мира чувств даёт простор для индивидуальных поисков. С его помощью открываются также пути передачи душевного опыта от человека к людям или от людей к человеку.

*

В начале самопознания важнее всего постичь наличный

результат формирования государственного строя души, но по мере углубления в самоорганизацию всё большее значение приобретает интерес к непрекращающемуся *процессу* этого формирования.

*

Государственный аппарат чувств требует не только наличия средств подавления и поощрения (созданием которых занимается самовоспитание), но и постоянного наблюдения за этими средствами, их замены, обновления, а главное – искусства их применять. Применять – а не применить, раз и навсегда заведя незыблемый порядок. Эта непрерывность и есть самосовершенствование.

*

Развитие чувств очень многообразно и не связано с постоянным ростом, взрослением или старением. Чувство может развиваться и в обратную сторону, как человек, родившийся стариком, из рассказа Фицджеральда. Оно может изменяться вообще несравнимо с видами биологического развития – замысловато меняя направления, затаиваясь и вспыхивая, переходя в другие русла и даже полностью перерождаясь.

*

Всякое чувство обладает некой самостоятельной достоверностью, которая проявляется, однако, с разной интенсивностью и на разных уровнях. Такая самодостоверность ценна тем, что поддерживает и оправдывает существование чувства. Тем же самым она может стать и опасна – своей независимостью в государстве чувств, которое должно в конечном итоге руководствоваться более или менее *единой* достоверностью.

*

Настоящие чувства, как и подобает живым существам, обладают, наряду с определённой длительностью существования, некоторой постепенностью возникновения и угасания. В противоположность им встречаются чувства-фантомы, чьё появление и исчезновение происходит *вдруг*, чьё присутствие призрачно и время от времени может загадочно прерываться.

Такие чувства, действительно, представляют собой миражи. Они возникают при перекрещивании, при наложении друг на друга каких-то участков реальных чувств, собственные краски которых, смешиваясь, дают на время новые цве-

та. Отсюда – химерическая новизна и самостоятельность возникшего псевдочувства.

В религиозной практике, которая придаёт большое значение главным чувствам (прежде всего, разумеется, чувству веры), это явление называется прелестью, или соблазном.

*

Внезапность исчезновения подлинного чувства – обычно иллюзия, вызванная незаметной *постепенностью* процесса и неожиданным осознанием результата. Внезапность возникновения чувства более реальна, но и она основывается на постепенной подготовке сознания к появлению нового чувства, на душевной насыщенности ожиданием – когда для мгновенной кристаллизации достаточно неприметного побуждения.

*

Пища чувств не только события, не только их собственные переживания. Они могут питаться и друг другом.

*

Кроме чувств, предметом внимания которых являют-

ся прежде всего внешние ощущения (для любви, например, важно восприятие любимого человека) или внутренние, но как бы приходящие извне: «свыше» или «из подсознания», – кроме этих обычных чувств в сознании существуют ещё и *чувства к чувствам*. Вместе с любовью может развиваться и восприятие любви – своего рода любовь к любви (или неприязнь к ней, это уж как кому повезёт), обладающая иногда даже большей силой, чем сама любовь. На чувстве веры может паразитировать, вытягивая из него живые соки, тщеславное фарисейство.

Чувства к чувствам отличаются от логического осознания чувств, они могут быть и остро нелогичны. К ним лучше относиться настороженно: слишком часто они носят паразитарный характер – отнимая силы у настоящих чувств и обедняя тем самым сознание.

*

Одно из самых властолюбивых и ловких человеческих чувств – чувство логики. Когда логика неразвита и слаба, она редко главенствует в сознании и далека от деспотизма, как и всякое малосильное чувство. Но сильная логика обычно не удовлетворяется самостоятельным существованием. Она либо ведёт открытую борьбу за первенство, либо действует подпольно, стараясь стать необходимой поддержкой для большинства чувств.

*

Чувство логики предназначено быть лишь слугой человеческой сущности. Оно может стать великолепным слугой – развитым, предприимчивым, способным к руководству в технических вопросах, готовым оказать поддержку каждому из главных чувств и даже попробовать рассудить спор между ними, – но слугой оно остаётся всегда, не обретая подлинного величия даже на царском престоле, куда его часто возводят.

*

Самодержавная логика бедствует в своём могуществе подобно царю Мидасу – всё, к чему она прикасается, обволакивается золотым логическим блеском, но напрочь лишается вкуса. Некоторые люди счастливы среди этого блеска и звона, но жизнь не всегда прощает им такое пренебрежение к полноте существования.

*

Чувство логики тем неустойчивее, чем на большую власть в сознании оно претендует. Ему трудно управляться с до-

статочны развитымы и самостоятельнымы чувствамы – слиш-
ком нечутко оно к тем интуитивным ощущениям, которые
наилушим образом способны согласовать эти чувства друг
с другом и с самым чувством логики. Вот почему это чувство
часто настроено против больших страстей – ему легче сла-
дить с чувствамы-лилипутамы.

*

Чувства, находящиеся под диктатурой логики, вынужде-
ны изобретательно льстить тирану. Они готовы подвергнуть
свои интуитивные принципы подходящей логической интер-
претации, чтобы под этим прикрытием достигать собствен-
ных целей.

*

Логика, использующая молодые и неокрепшие чувства
как мальчиков на побегушках, порочна и даже в каком-то
смысле нелогична. Она должна быть нянькой этим чувствам,
их воспитательницей, должна учить их овладевать логически
осознанными принципами. Ведь логика практически не име-
ет *своих* выходов к действию, а прочие чувства послушны ей
лишь до тех пор, пока ни достигают собственной зрелости,
или в той степени, в которой логика успела повлиять на них

во время их формирования.

*

«Не доверяйте человеку, который по всякому поводу будет ссылаться на разум и здравый смысл. Поверьте, что обычно – это недалёкий человек».

Гельвеций

Логический язык, может быть, один из лучших языков общения между людьми, но мыслей, которые нуждаются в выражении, сам по себе он не порождает, «как никогда ложка не поймёт вкуса пищи» (из индусской мудрости).

*

Суждение тем правомернее, чем ближе оно к ощущению. Установление логических связей, стремление к последовательности часто ослабляет суждение, наделяя претензиями, не вытекающими из его внутренней сущности. Вот почему, если чувства сходны и возникает понимание с полуслова, рациональные уточнения становятся излишними и даже разрушительными.

Если чувство одного человека не находит родственной опоры в сознании другого, то приходится говорить на языке какого-либо из общих чувств, чаще всего на языке логики.

При этом суждения принимают более законченную форму, чем при непосредственном сходстве чувств, становятся более убедительными и – менее убеждающими.

*

«Одно дело логически понять какую-либо идею, и другое – отнестись к ней с симпатией. Регулирующая и упрощающая функция логики может начать свою работу лишь там, где развитие психической жизни значительно продвинулось вперёд, накопив богатую сокровищницу инстинктивных привычек. Вот с этим-то до-логическим запасом инстинктивных привычек путём логики справиться мудрено».

Мах

*

Обыкновение «танцевать от логической печки», въевшееся в сознание человека, воспитанного в рассудочном духе, обычно позволяет признать возможность существования иных *подданных* в государстве чувств другого человека. Но живо представить себе иного, чем у себя, *правителя* чувств – часто оказывается нам уже не под силу.

Если рационалист сталкивается, например, с истинно религиозным сознанием, он считает чувство веры случайным

и незаконным самозванцем, которого хорошо бы разоблачить. Царящее в его собственной душе чувство логики готово оказывать поддержку только родственному себе чувству, сколь ни ограничена была бы роль последнего в чужом сознании, даже к вере обращаясь через его посредство. Но верующий с прохладным недоумением воспринимает воззвания к логике. Ведь с его точки зрения, «рассудок даёт тёмное и обманчивое знание, тогда как чувство доставляет уверенность в истине, – таково положение религиозного человека, искренне относящегося к себе самому и к фактам» (Джеймс).

*

Слабость логики – в неизбежной аналитичности её постижений, в необходимости оценивать ощущения дробно и поэтапно. Из-за этого ограничена её способность помогать другим чувствам.

«Убеждение, порождаемое рассуждением, уменьшается пропорционально тем усилиям, которые делает наше воображение, чтобы вникнуть в это рассуждение и постигнуть его во всех его частях».

Юм

*

Формальная логика – да и расширяющая её диалектическая – слишком скудно отражают жизнь. Они могли бы стать глубже и могущественнее, если бы их сопровождала *психология логики*, изучающая проблемы индивидуальности логических ощущений, проявления логической интуиции (теоретически анализируемой, в отличие от иррациональной интуиции, неразложимой на элементы), связи логического восприятия с иными способами мировосприятия и тому подобные явления, крайне важные для дееспособности логики.

*

«Хотя логика действительно содержит очень много правильных и хороших предписаний, к ним, однако, применимо столько других – либо вредных, либо ненужных, – что отделить их почти так же трудно, как разглядеть Диану или Минерву в необделанной глыбе мрамора».

Декарт

*

Лучшее, на что способно чувство логики, – это логически осознать опасность собственного деспотизма и всеми силами способствовать развитию и выдвижению к власти других значительных чувств, укреплять общее их содружество, не ставя и себя вне его. Наверное, связь любого чувства с чувством логики хороша, когда логика умеренна в своих притязаниях.

«Последний вывод разума – это признание, что есть бесконечное число вещей, превосходящих его. Он слаб, если не доходит до признания этого».

Паскаль

*

Служа другим чувствам (даже возглавляя их организационно, но это тоже разновидность служения), чувство логики вполне может улучшать *их* ценности. Придавать им устойчивость, наполнять смыслом, увязывать друг с другом.

*

«Разум часто озаряет лишь потерпевших неудачу».

Гельвеций

Как опытный политик приходит на смену прорвавшемуся к власти авантюристу, чтобы по-деловому разобраться в напутанных узлах и петлях, так выступает вперёд чувство логики, поддерживаемое и другими чувствами, когда торжествовавшая перед этим страсть, потерпев фиаско, оставляет борозды правления и скрывается в тени.

Это распространённая ситуация, но её нельзя назвать нормальной. Гармоничность сознания – прежде всего в преемственности верховной власти. Когда главенствующее чувство пренебрегает поддержкой логики, оно осложняет и собственное правление и возможный переход к следующему.

*

В отличие от чувства логики, чувство любви не единично в сознании, хотя говорить о нём во множественном числе стилистически затруднительно. Чувства к разным людям не исключают друг друга, даже если они носят одинаковый характер. Примером может быть родительская любовь к разным детям или дружба (дружеская любовь) с разными

людьми. А не может ли оказаться в сознании и несколько *логических чувств*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.